

Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету

Парфиненко А. Ю., Посохов С. И. Старые и новые символы университетов (на материалах Харьковского университета второй половины XIX -первой половины XX веков) // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза.1920 – 1950-е годы) / Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 236 – 248.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

14. ЦГА Спб. — Ф. 7965. — Оп. 3. — Д. 253. — Л. 34 об.
15. ЦГА Спб. — Ф. 7965. — Оп. 3. — Д. 253. — Л. 20.
16. Жилищное Дело. — 1925. — №6. — С. 48. — ЦГА Спб. — Ф. 7384. — Оп. 11. — Д. 3. — Л. 8, 12 — 14.
17. Волин Б. М., Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 3. — М., 1939.
18. ЦГА Спб. — Ф. 7965. — Оп. 3. — Д. 255. — Л. 56 об.
19. ЦГА Спб. — Ф. 7965. — Оп. 3. — Д. 255. — Л. 14, 19.
20. Вопросы Коммунального Хозяйства. — 1929. — №4. — С. 33—34.
21. ЦГА Спб. — Ф. 7965. — Оп. 3. — Д. 265. — Л. 55 об.
22. ЦГА Спб. — Ф. 7965. — Оп. 3. — Д. 265. — Л. 53, 55 об.

А. Ю. Парфиненко, С. И. Посохов
(Харьков, Украина)

СТАРЫЕ И НОВЫЕ СИМВОЛЫ УНИВЕРСИТЕТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА второй половины XIX — первой половины XX веков)

За столетия своего существования классические университеты стали символом фундаментальной науки и высокой культуры, интеллигентности и, конечно, системы высшего образования. Вместе с тем собственно университетские символы и традиции, в частности украинских университетов, остаются недостаточно изученными. На наш взгляд, при их изучении особенно интересным и плодотворным может стать использование компаративистского подхода. В данном случае мы предлагаем сравнить символы и традиции, сложившиеся в Харьковском университете в течение второй половины XIX — начала XX веков и преимущественно 20 — 30-е годы XX века. Как известно, последний период был ознаменован существенными изменениями и в экономическом, и в социально-политическом, и в общекультурном планах. Радикальные изменения затронули

систему ценностей, определявшую жизнь университетов. В известном смысле в них отразились и через них прошли общие социально-культурные процессы.

В дореволюционной России университеты выступали в качестве государственных, правительственных учреждений. Зримым выражением такой принадлежности было наличие слова «императорский» применительно к каждому из них. Впрочем, некоторое время в начале XIX века «высочайшее покровительство» выступало скорее символом самостоятельности, нежели подчинённости. Однако постепенно государственная регламентация будет усиливаться. Как результат, и в понятие «императорский» станет вкладываться соответствующий смысл. Так, при подготовке университетского устава 1884 года обращалось внимание на то, что «это не должно быть простым титулом, но выражением идеи о государственном значении учреждения и о долге верноподданства» [1, с. 149]. Такой взгляд на университеты вызывал негативную реакцию либеральной профессуры. Н. И. Пирогов среди первых в Российской империи заявил, что университеты как правительственные, церковные, учебно-общественные и национальные учреждения чужды идеалу [2, с. 320]. Профессор Харьковского университета Д. И. Каченовский утверждал, что российские университеты — учреждения «государственные и, в то же время, народные» [3, с. 355]. Всё чаще в публицистике и отдельных документах в названии университетов пропускалось слово «императорский». Такие настроения не остались незамеченными в среде консерваторов [4, с. 185]. С наступлением 1917 года данный термин перестал использоваться применительно к университетам. Ненавистное слово исчезло не только с фасада главного здания Харьковского университета, но и было сбито с пьедестала памятника основателя университета В. Н. Каразина. Но это не спасло университеты от нападков и последующей реорганизации. Один из главных идеологов университетской реформы в Советской Украине — заместитель председателя народного комиссара просвещения Я. Ряппо — с негодованием отмечал: «Высшая школа в стране стояла на особом пьедестале, под особым «высочайшим покровительством» [5, с. 9].

В разрушении университетов стали видеть уничтожение «цитадели буржуазии». Однако такие утверждения не означали, что новая высшая школа стала более независимой. Уже в первые послереволюционные годы прозвучал вывод о том, что «вузы должны давать проводников организационных задач государства» [6, с. 88]. С возрождением в Украине университетов все они, как и в Советской России, получили приставку «государственный». Это название не только отражало эпоху уничтожения частной собственности и национализации, но и в полной мере характеризовало систему управления университетами. Ненавистная бюрократизация царского периода сменялась ещё большей бюрократизацией советского образца.

Университетская автономия традиционно считалась и считается одним из основополагающих принципов университетской жизни. Требование расширить автономию российских университетов было весьма распространённым и популярным во второй половине XIX — начале XX веков. Границы таковой определялись университетскими уставами. Последние виделись даже своего рода «конституциями». Уставы стали символами университетского самоуправления, которое называли «источником жизни» [7, с. 59], «нравственной мощью и притягательной силой университета» [8, с. 116]. Совет Харьковского университета в 1879 году назвал устав «единственным официально известным ему законом» [9, с. 3]. Уставы «даровались» самодержцем университетам и действительно выполняли роль главного университетского закона. В советский период этот символ, по сути, перестал существовать, хотя в законодательстве термин «устав» иногда встречается [10].

Коллегиальность являлась не только способом управления университетом, но и традицией, символом. Терминологически она близка такому понятию, как «корпоративная самостоятельность». Однако, чтобы понять смысл, который нередко вкладывала в него профессура, следует вспомнить, что во время обсуждения проекта устава в начале 1860-х годов совет Харьковского университета предложил в первом параграфе устава записать: «Университет есть высшее ученое сословие...» [11, с. 281]. Мне-

ние совета вызвало отрицательную оценку попечителя Харьковского учебного округа Д. С. Левшина, который отметил, что «русские университеты не частные корпорации или компании, а правительственные учреждения», «говоря последовательно, следовало бы, для усиления коллегиального духа, устранить и влияние министра на университет и дать каждому значение государства в государстве...» [11, с. 362, 369–370]. Одним из негативных последствий расширения самоуправления он называет «произвол сильной партии» [11, с. 371]. Действительно, борьба университетских партий в совете стала характерным явлением университетской жизни. Это привело к необходимости разработать специальное положение о правах ректора как председателя совета, процедуру заседания [12]. Нормой были «особые мнения» и тайное голосование. Нередко звучали в чей-либо адрес и оскорбления. Впрочем, следует иметь в виду, что часто таковыми признавались малообидные, по нынешним временам, оценки и мнения. Так, оскорбительным было признано высказывание профессора Сокальского «это – водотолчение» [12, 1868, № 4, с. 110].

В советское время такие традиции ушли в прошлое. Дореволюционная система управления университетами, по мнению авторов 1920-х годов, лишней раз доказывала тот факт, что университеты – «подлинное детище феодально-крепостнического строя» [13, с. 19]. При этом университетские советы трактовались как «весьма громоздкие организации» с неопределёнными и «малоактуальными» функциями, а университетский парламентаризм выступал как следствие «чистой науки» [13, с. 25, 27]. Считалось, что настоящие свободы с победой революции достигнуты, а значит, университетский парламентаризм стал недопустимым. Было указано, что он может вести лишь к развалу. Действенным принципом управления в новых условиях была провозглашена централизация, точно оформленная единоличная ответственность [14, с. 16]. Такие выводы подкреплялись ещё и следующими аргументами: «Вся громоздкость и разношерстность этих собраний без комментариев очевидна. Ни в одном крупном и сложном предприятии вы не встретите ничего по-

добного»; «Поскольку наши ВУЗы являются организациями, выполняющими задачи народного хозяйства и советского строительства, то и органы управления их должны строиться аналогично, как у любого крупного госоргана (треста, завода, фабрики)» [13, с. 26].

Единоначалие надолго стало главным принципом управления. Ещё до революции в публицистике отмечалось, что роль ректора в российских университетах большая, чем на Западе. Но в целом положение ректора в российских университетах нередко было двойственным. Так, по уставу 1863 года, он был скорее первым среди равных, исполнителем воли совета, и, в то же время, лицом, ответственным за состояние университета. Отметим, что сами ректоры в этих условиях нередко предпочитали стать на сторону совета, прикрывшись соответствующим параграфом устава. И в этом проявлялась их приверженность автономии. Ликвидация традиционных органов управления университетами начала проводиться Народным комиссариатом просвещения УССР уже в первой половине 1919 года. Тогда же вместо ректора были назначены комиссары, в частности, в Харьковский университет — студент ветеринарного института Малич-Дворянок [15, с. 10]. Со временем должность комиссара будет упразднена, ректор же постепенно станет настоящим символом университета. От него, прежде всего, будет зависеть «внутренняя политика» в вузе. Уже в программе Главпрофобра 1922 года указывалось, что «Институт... строится по принципу хозяйственной централизации и ответственного единоличного управления» [6, с. 80]. Вместо прежнего совета учреждалось так называемое «бюро», его роль была лишь совещательной, ни о какой явной «партийной» борьбе теперь не могло идти и речи, её заменили апелляции к начальству и интриги. Если для дореволюционного университета была характерной периодизация его истории по уставам, то в советский период — по ректорам.

Правила, традиции, своеобразные церемонии и символы были особенно присущи дореволюционным университетам. Они проявлялись всюду, но особенно при присвоении учёных степеней. Задачей этих правил в данном случае было не только

определение научного уровня соискателя степени и его соответствия университету, но и введение нового представителя в члены университетской корпорации. Конечно, в сословно ранжированном российском обществе, в котором главенствующую роль играла чиновная бюрократия, учёные степени также имели свой табельно-должностной статус [16, с. 55]. И всё же в данном случае уместнее говорить не о государственной, а корпоративной системе учёных степеней. Учёная степень присваивалась соответствующим факультетским советом и затем утверждалась советом университета. Безусловно, соискатель мог стать жертвой различных вненаучных обстоятельств и, прежде всего, личного свойства. Наиболее типичным способом разрешения конфликта между соискателем и факультетом было перенесение защиты диссертации в любой другой университет. Чаще всего такой шаг имел благополучное завершение [16, с. 159]. Учёный диспут являлся вершиной процесса научной аттестации, считался настоящим праздником и собирал немало публики. При этом следует заметить, что самолюбие соискателей не принято было щадить [16, с. 165–176]. С началом советской эпохи утвердилось мнение, что в эксплуататорском обществе дипломы представляют «скрытый имущественный ценз» [17, с. 66]. Совнарком УССР декретом от 18 мая 1919 года упразднил учёные степени и звания, ввёл замещение кафедр по конкурсу, в котором имел право принимать участие каждый гражданин республики [18, с. 50–51]. Диссертационные церемонии, естественно, были также отменены. Возрождение системы аттестации научных кадров, но теперь как общегосударственной, произойдёт в 1930-е годы (постановления 1933, 1934, 1937 годов) [19, с. 24]. Хотя некоторые традиции в этой области по форме и возвратились, но регламентировались они теперь значительно жёстче (к тому же следует учесть пресс идеологии на научную работу).

Определённые символы сопровождали и учебный процесс. Во второй половине XIX века призыв «В университет!» звучал как призыв к свободе. Бывший студент Харьковского университета О. В. Аптекман вспоминал: «Свободное развитие личности, свободное самоопределение ее, как самоцель, стояло тог-

да у нас на первом плане. Наша юная бодрая мысль стремилась тогда к свободе — и в *свободе личности* [выд. авт.] видела ближайшую цель этой свободы. С этими порывами, с этими думами мы шли в университет» [20, с. 54]. Ритуальным жестом было начало университетской лекции, особенно первой в учебном году, когда преподаватель впервые входил в аудиторию. Как правило, профессор входил в аудиторию, закрывая за собой дверь, несколько секунд молчал, осматривая сидящих, а затем в полной тишине произносил, растягивая слоги: «Господа!» или «Милостивые государи!». Судя по воспоминаниям, это обращение сильно действовало на студентов: «оно долетело до нашего слуха и пробежало по нервам как электрический ток». П. Д. Боборыкин писал об овладевшем им чувстве гордости: «Мы не мальчишки, а взрослые слушатели, которым надо говорить «милостивые государи!» и обращаться на «Вы» [21, с. 61]. К. Лаврский вспоминал о переполнившем его душу счастье: «Кто это говорит и кому говорят? Давно ли инспектор ставил нас [гимназистов] на колени и кричал зычным голосом: «свиньи, свиньи» — и вдруг мы сделались «Милостивые государи» [22, с. 206]. В те годы казанские студенты с возмущением пересказывали друг другу слух, что в Москве профессор Н. И. Крылов обращается к студентам на «ты».

Такие отношения (и обращения) не сразу ушли из стен университетов советского времени. Будущий ректор Харьковского университета Н. И. Буланкин, вспоминая 1921 год, писал: «Обращение самое изысканное. Кругом слышится: «господа», «коллеги». Больше — «коллеги» — солиднее звучит. Да и спокойнее: не ровен час, наскочишь на какого-нибудь нахала — обругать может. И слово «товарищ» произносишь с каким-то особым смаком и только к действительно товарищу» [23, с. 70]. Впрочем, вопреки расхожему мнению, следует отметить, что слово «товарищ» появилось в университетах ещё до революции. Об этом, в частности, косвенно свидетельствует В. Пуришкевич [24, с. 261]. Естественно, оно использовалось в среде «революционных студентов». Постепенно в советское время такое обращение станет официальным, и даже обязательным, в том числе

и во время учебных занятий. В связи со словом «товарищ» получило распространение (но не стало доминирующим) и обращение на «ты». Но, главное, былая тяга к личной свободе уступила место коллективистским настроениям, «общему движению к социальной свободе».

Символом студенчества дореволюционного периода была форма. Не излагая подробно историю студенческой формы в дореволюционных университетах [25], отметим лишь, что она являлась фактором усиления корпоративной общности. Как вспоминал И. В. Любарский, «как бы ни было потерто или грубо сукно сюртука, но, благодаря синему воротнику и металлическим пуговицам, носителя формы не примут за лакея или разночинца» [26, с. 378]. Форма рождала такое понятие, как «честь мундира», о чем можно узнать из многих мемуаров.

В первые послереволюционные годы студенческая форма стала признаком «старого студенчества», однако её использовали и новоявленные студенты. Уже упоминавшийся И. Н. Буланкин писал: «Разнообразие одеяний. Наряду с потертыми пальто, потрепанными студенческими фуражками — признак «старого студента» — блестели новизною синие околыши вновь поступивших, начищенные пуговицы с двуглавым орлом на студенческой тужурке, купленной специально по случаю поступления в б(ывший) Университет на благбазе...» [23, с. 70]. Постепенно студенческая форма станет восприниматься как один из символов классового неравенства. Особую неприязнь у пролетарского студенчества вызывала студенческая фуражка. «Одним из характернейших, хоть и мелких штрихов, знаменующих внешнюю символику нашей революционной эпохи, — отмечалось в журнале «Студент революции», — является исчезновение классового мундира, особенно же — классовой фуражки. Фуражка, как «вещь в себе», осталась, заплатив дань трансформизму моды; но она потеряла ранговый смысл. В числе предметов, утративших профессиональный символический смысл, находится и студенческая фуражка: ее носят меньше всего студенты — и почти никогда не носят пролетарские студенты» [27, с. 141].

Зримым выражением принадлежности к университетам в дореволюционный период (с 1899 года) стали нагрудные знаки, которые выдавались окончившим университет. Знак имел вид ромба, покрытого белой эмалью, в центре которого располагался синий крест, а в верхнем углу — двуглавый орёл с золотым венком из лавровых и дубовых ветвей [28, л. 12]. Выпускники других высших учебных заведений также получили право носить нагрудные знаки, однако другого образца. После длительного перерыва в советскую эпоху вернулись к такого рода отличительным знакам. По внешнему виду они очень напоминают свои дореволюционные прототипы, но теперь они были общими для выпускников всех вузов, независимо от профиля.

Студенчество всегда стремилось к созданию собственных организаций. Во второй половине XIX века студенты вели упорную борьбу за право создания таких организаций. Запреты объяснялись тем, что власти опасались их превращения в антиправительственные структуры. И всё же они создавались, часто на нелегальном и полунелегальном положении. В начале XX века многие студенческие организации были легализованы. Среди них были научные и литературные кружки, землячества и др. Их деятельность, с одной стороны, регламентировалась, с другой — постепенно обростала традициями. Однако не будет преувеличением сказать, что при всей пестроте студенческого движения часто оно проходило под лозунгами академизма. По мнению Г. И. Щетининой, студенческое движение и в конце XIX века продолжало оставаться академическим [29, с. 199]. Требования расширения университетского самоуправления, автономии, реформирования университетской жизни (через уменьшение регламентации и бюрократизма) сопровождали студенческие выступления, характеризовали деятельность многих студенческих организаций. Академические требования спланивали большинство студентов, они также стали определённого рода символом студенческого движения.

В советское время старые студенческие объединения прекратили своё существование. Некоторые из них (научные кружки, литературные и другие клубы) со временем возродятся, од-

нако, безусловно, главенствующее значение приобрела всесоюзная молодёжная организация — комсомол. При том, что отдельные организационные формы остались неизменными, важно отметить и отличия. Комсомольские собрания, как правило, были посвящены крупным политическим (часто внешнеполитическим) событиям, проблемам социальной жизни, нормам поведения и морали [30, с. 15]. О традициях академизма надолго забыли. Последний выступал как проявление узких эгоистичных интересов студенчества.

Из сознания молодёжи методично вытеснялись образы прошлой студенческой жизни. Так, в 1923 году развернулась крупная кампания против празднования Дня студента. Один из участников этой кампании рассуждал таким образом. «Нужны ли этому студенчеству особые «студенческие дни», специальные празднества и юбилеи? — вопрошал автор. — Нет, совершенно не нужны. У студенчества есть много праздников и торжественных дней. Это праздники революции, праздники коммунистической классовой борьбы, праздники победы рабочего класса России. Это праздники всех трудящихся». Ещё автор констатировал: «У студенчества, следовательно, как части целого, нет и не может быть никаких «студенческих движений» и задач [31, с. 9—10].

Вето было наложено и на исполнение традиционного студенческого гимна «Gaudeamus». С песней, как говорится, легче и по жизни шагать, поэтому руководство решило создать новый, советский гимн. Так, журналом «Студент революции» был объявлен конкурс на написание гимна пролетарского студенчества. К сожалению, нам не известно, был ли утверждён текст такого гимна. Однако до нас дошло несколько проектов, принимавших участие в конкурсе. Содержание этих гимнов довольно ярко, на наш взгляд, передаёт умонастроение студенческой молодёжи. В прежнем гимне восхвалялась «академия», куда студент приходил с целью получить знания, и профессура, преподававшая эти знания. В новом, пролетарском гимне центральный сюжет — это призыв к борьбе, восстанию, к построению светлого будущего. В одном из гимнов, например, отмечалось:

*Кругом нас гнет море,
Капитала вечный бой,
В грядущем светят зори
Чертою огневой.
Вперед, вперед, вперед, смелей,
Студенты фабрик и полей,
Сияет нам победа —
Смелей в последний бой.*

При всей важности учёбы главной всё-таки была общественная работа. С точки зрения руководства, это был практический вклад в строительство социализма. Многие «общественники» черпали свои силы именно в таких призывах, из осознания того, что они создают новый мир. Близость этого светлого будущего казалась им тогда очевидной.

Отмеченная эволюция символов, сопровождавших университеты в течение столетия, даёт возможность наглядно увидеть отличия разных исторических эпох с точки зрения господствовавших систем ценностей, умонастроений, но не только. По нашему мнению, в них отчётливо отразился взгляд на университет и его место в обществе. Если до революции университет претендовал на особое место и в системе образования, и в обществе в целом, стремился к роли предвестника самоуправляющихся децентрализованных социальных структур, выступал как обособленная корпоративная общность, то в советское время его значение было нивелировано после полосы реорганизаций, которые должны были покончить со «старым университетом», он занял скромное место в ряду других вузов, стал одним из звеньев централизованной общественной системы. Такие изменения противоречили самой идее университета. Не случайно постепенно начнётся возрождение старых университетских символов и традиций. Однако этот процесс не закончился и сегодня.

Литература

1. Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. — М., 1976.

2. Пирогов Н. И. Университетский вопрос / Н. И. Пирогов. Избранные педагогические сочинения. – М., 1985.
3. Каченовский Д. И. Пржнее и нынешнее положение русских университетов // Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. – Спб., 1862. – Ч. 1.
4. Пуришкевич В. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. – Спб., 1914.
5. Ряппо Я. Про переваги вищої школи // Студент революції. – 1924. – № 2.
6. Производственная программа Украинского главного комитета профессионально-технического и специально-научного образования на 1922 год. – Х., 1922.
7. Модестов В. И. Университетский вопрос // Наблюдатель. – 1882. – № 2.
8. Из университетской жизни // Вестник воспитания. – 1901. – № 6.
9. Заключение [Совета Харьковского университета] о правилах для студентов и об инструкции для инспекции. – Б. м., б. д.
10. Устав про вищі школи (інститути) УСРР: 36. законів та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. – Х., 1931. – № 4.
11. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. – Спб., 1862. – Ч. 1.
12. Протоколы заседаний Совета императорского Харьковского университета. – Х., 1867. – №3; 1868. – № 4; 1868. – № 9.
13. Ряппо Я. Об управлении высшей школой // Путь просвещения. – 1924. – № 4–5.
14. Роль студенчества в строительстве Высших учебных заведений // Студент революции. – 1922. – № 1. – [подп. – И. Н.].
15. Кадеев В. І., Наумов С. О. Харківський університет у 1919 – 1920 роках // Университеты. – 2003. – № 1.
16. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII века. – 1917 год. – М., 1994.
17. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. – М., 1988.
18. Культурне будівництво в Українській РСР: 36. док.: У 2 т. – К., 1959. – Т. 1.
19. Гусев К. В., Розов Б. С. Кадры советской науки (К 50-летию советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров). – М., 1982.

20. Аптекман О. В. Записки семидесятника // Современный мир. – 1913. – № 4.
21. Боборыкин П. Д. За полвека. – М., 2002.
22. Л. О. [К. Лаврский]. Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов // Былое из университетской жизни: Лит. сб. к 100-летию императорского Казанского университета. – Спб., 1904.
23. Буланкина Н. И. Мой отец // Академик Иван Николаевич Буланкин (1901 – 1960). – Х., 2004.
24. Пуришкевич В. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. – Спб., 1914.
25. Посохов С. И. Форменная одежда студентов императорских российских университетов // Университеты. – Х., 2000. – № 2.
26. Любарский И. В. Университетские воспоминания // Исторический вестн. – 1891. – Т. 45. – № 8.
27. Макаров А. К психологии пролетарского студенчества // Студент революции. – 1927. – № 7.
28. Российский государственный исторический архив. – Ф. 733. – Оп. 150. – Д. 1200. – Л.12.
29. Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России. Посл. четв. XIX века. – М., 1987.
30. Красовицкий Б. М. Мои учителя и сверстники. Воспоминания о годах в Харьковском университете. – Х., 1996.
31. Почему мы против студенческого дня? // Студент революции. – 1923. – № 4–5.

А. Ю. Рожков
(Краснодар, Россия)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ 1920-х годов: ФОРМЫ ПРОТЕСТА

Бунтарский нрав красноармейцев с трудом вписывается в сконструированный советской литературой и кинематографом лубочный образ по-революционному сознательного «человека с ружьём». Вместе с тем молодой человек в Красной Армии 20-х